

№ 72.

Воскресенье, 29 марта 1909 года.

№ 72.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.

Когда Спаситель нашъ оклеветанный, поруганный, обезчещенный на крестѣ предалъ духъ Свой Богу, когда затѣмъ пречистое тѣло Его было заключено во гробъ,—неправда и злоба людская почувствовали свою побѣду. Торжествовали незаконные враги Спасителя: ихъ грозный обличитель, теперь бездыханный, лежитъ во гробѣ; не раздадутся болѣе Его грозныя обличенія саддукейской, фарисейской и законнической неправды, не будетъ болѣе толпиться около Него народъ и жадно ловить каждое Его слово, не увлечъ теперь Ему за собою народныхъ массъ; опять они заберутъ власть надъ народомъ и поведутъ его по своему пути, какъ и ранѣе вели... Враги Спасителя и не предполагали,

чтобы поправная ими правда могла возесть изъ гроба и возесть еще въ большей силѣ. Корыстные, лживые они боялись одного: чтобы сторонники Распятаго для борьбы съ ними не взяли за ихъ же оружіе—за ложь: „а что,—думали первосвященники и фарисеи,—если ученики украдутъ тѣло Иисусово и скажутъ затѣмъ, что Онъ воскресъ?“ (Мѣ. XXVII, 63—64).

А ученики Спасителя, что чувствовали въ это время? Они и во время земной жизни своего Учителя не могли вмѣстить Его ученія о смерти, страданіяхъ и воскресеніи: въ сдѣланныхъ случаяхъ не понимали этого ученія (Лк. XVIII, 31—34); въ другихъ—ужасались его (Мѣ. XVI, 21—22). Тепе

же, увидѣвъ Спасителя захваченнымъ врагами, наружно безильнымъ предъ ними, поруганнымъ и, наконецъ, побѣжденнымъ смертью, они рѣшили, что все погибло: погибло дѣло начатое, рушились надежды, какія возлагали они на своего Учителя (Лк. XXV, 21).

Оставалась у нихъ лишь горячая любовь къ своему непорочному Наставнику, въ послѣдніе дни подогрѣтая глубокимъ состраданіемъ по поводу перенесенныхъ Имъ мученій.

Но преждевременно начали праздновать побѣду враги Спасителя, напрасно смутились Его ученики: могилѣ не удержать Спасителя! Если весною пробивается сквозь земную кору влага, если мягкое зернышко прорываетъ самую грубую скорлупу, — тѣмъ болѣе совершеннѣйшая жизнь Спасителя нашего разорветъ объятія смерти, и возстанетъ Онъ изъ гроба сіяющимъ, прославленнымъ! Христосъ не могъ не воскреснуть. Если есть Богъ на небѣ, если есть у Него правда, — (а въ этомъ кто же усумнится?!), то обѣщавшій воскреснуть Христосъ — великій учитель истины, обличитель всякой неправды, совершеннѣйшій исполнитель воли Божьей, первый безгрѣшный на землѣ, не могъ оказаться лжецомъ и обманщикомъ, такъ какъ тогда оказались бы справедливыми лживые, корыстные, развращенные Его враги. И Христосъ воскресъ.....

Рано утромъ въ первый день недѣли сдѣлалось сильное землетрясеніе, Ангелъ Господень, — повѣстуетъ евангелистъ Матѳей, — сошедши съ небесъ, отвалилъ камень отъ дверей гроба и сѣлъ на немъ. Видъ Ангела былъ какъ молнія, а одежды Его бѣлы, какъ снѣгъ. Какъ мертвые, пали на землю отъ страха войны (Мѳ. XXVІІ, 2—4). Спаситель вышелъ изъ гроба.

Очнувшись, бросились воины къ первосвященникамъ, чтобы сообщить имъ о страшномъ для нихъ событіи. Послѣдніе, собравшись на совѣтъ со старѣйшинами, рѣшили подкупить воиновъ. Снабдивши ихъ деньгами въ достаточной степени, они сказали имъ: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда вы спали; и если слухъ объ этомъ дойдетъ до правителя, мы утолмимъ его *) и васъ отъ неприятели избавимъ. Воины, взявши деньги, поступили, какъ научены были (Мѳ. XXVІІІ, 11—15).

Съ большимъ стараніемъ распространяли этотъ слухъ враги Спасителя, но и тутъ правда взяла верхъ надъ ложью.

Въ то время, какъ злые и развращенные люди употребляли всѣ усилія, чтобы скрыть истину, Господь открывалъ людямъ правду. Прежде всего Ангелы возвѣстили пришедшимъ рано утромъ ко гробу, чтобы помазать благовонными маслами тѣло Спасителя, мѣроносицамъ, что Иисусъ распятый воскресъ. Затѣмъ Самъ Воскресшій въ день Своего воскресенія явился Маріи Магдалинѣ, другимъ женамъ мѣроносицамъ, Петру-апостолу, двумъ учени-

камъ—Лукѣ и Клеопѣ, шедшимъ въ Еммаусъ, и, наконецъ, апостоламъ, кромѣ Ѳомы (Мр. XVI, 1—14; Лк. XXІІІ, 55—56; XXIV, 1—48; Іоан. XX, 1—25). Въ слѣдующіе дни, до вознесенія на небо Онъ еще являлся ученикамъ на озерѣ Галилейскомъ, тѣмъ же ученикамъ и 500 вѣрующихъ на одной изъ Галилейскихъ горъ, апостолу Іакову, наконецъ, снова своимъ апостоламъ. Являясь, Онъ бесѣдовалъ съ ними, наставлялъ ихъ, иногда вкушалъ пищу. Отъ этихъ бесѣдъ и наставленій переродились Его ученики: пропали всѣ ихъ сомнѣнія, окрѣпла вѣра, прояснилось слышанное ими ранѣе ученіе. Увѣренные и убѣжденные теперь они смѣло могли выступить на обличеніе іудейской клеветы и неправды.

Праздникъ Воскресенія Христова — самый радостнѣйшій праздникъ въ христіанской церкви. Православная церковь называетъ его праздникомъ изъ всѣхъ праздниковъ, торжествомъ изъ всѣхъ торжествъ. Необыкновенною радостью дышатъ всѣ пасхальныя пѣснопѣнія; во всѣхъ обрядахъ и обычаяхъ пасхальнаго времени чувствуется особенная, за душу хватающая торжественность. Эти громогласные, веселые пасхальные напѣвы, этотъ цѣлодневный звонъ, эти открытыя въ теченіе богослуженія всей пасхальной недѣли царскія врата, эти постоянныя восторженныя привѣтствія Побѣдителю смерти, воскресшему Спасителю, эти братскія радостныя цѣлованія во Имя Того, Кто Своею смертью объединилъ всѣхъ, всѣмъ открылъ входъ въ царство небесное, души всѣхъ озарилъ радостью будущаго общаго воскресенія, — все это будитъ въ душѣ вѣрующаго такія небесныя чувства, охватываетъ ее такимъ восторгомъ, какихъ никогда не найти человѣку, возвращаясь въ суетѣ мірской.

По народному древнему повѣрью въ день Пасхи солнышко играетъ. Тутъ сердце народное въ нехитрой формѣ выразило глубокую мысль, именно, ту, согласную со словомъ Божіимъ, мысль, что вмѣстѣ съ человѣкомъ и вся природа радуется воскресенію Спасителя, такъ какъ Христосъ страдалъ и воскресъ, чтобы возстановить и обновить не одного только человѣка, но и всю природу, оскверненную и порабощенную грѣхомъ человѣческимъ **).

Но, конечно, какъ смерть Иисуса Христа, такъ и Его воскресеніе прежде всего имѣли въ виду человѣка, его касались. Страданія и смерть Спасителя были борьбою съ распространившимся чрезъ человѣка на землѣ грѣхомъ и зломъ, — борьбой за спасеніе человѣка отъ зла и грѣха; воскресеніе было побѣдой надъ высшимъ проявленіемъ зла въ мірѣ — надъ смертью. Милліоны людей перемерли до Христа, но никто не умеръ, какъ Христосъ: Онъ умеръ, принявши на себя грѣхи всѣхъ, умеръ, чтобы спасти всѣхъ. Были случаи воскресенія и до воскресенія Спасителя: воскресъ отрокъ по молитвѣ пророка Іліи, воскресъ мертвецъ, прикоснув-

*) Т. е. не пожелавъ никакихъ расходовъ, чтобы онъ не возбуждалъ дѣла.

**) Сравни: Римл. 8, 19—22.

Воскресение Господа Иисуса Христа.

(Съ иконы, находящейся въ Житомирскомъ соборѣ, работы живописца Васильева).

пійся къ костямъ пророка Елисея, воскресли дочь Іаира, сынъ вдовы Наинской, Лазарь на четвертый день послѣ смерти, но всѣ эти мертвецы воскресли, чтобы чрезъ нѣкоторое время снова умереть. Христосъ воскресъ, чтобы никогда больше не умирать, — поэтому Онъ первенецъ изъ мертвыхъ. Воскресеніе тѣхъ говорило людямъ, что возможно въ этой жизни воскрешеніе мертвеца, воскресеніе Спасителя говорить всѣмъ, что и мы всѣ воскреснемъ для жизни будущей, вѣчной, нескончаемой жизни. Прочитайте XV-ю главу 1-го посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ (съ 12-го стиха), вдумайтесь въ смыслъ воскресенія Христова, — и вы непременно придете къ такому именно заключенію. Если воскресъ человекъ — Христосъ, то, значить, возможно воскресеніе и для каждого человека. А такъ какъ воскресшій, истинный Учитель Спаситель нашъ, въ своемъ ученіи непрестанно повторялъ, что насъ ожидаетъ будущая жизнь, что мы воскреснемъ для этой жизни, — то, значить, мы обязательно воскреснемъ. Его, вѣдь, слово всегда истинно, не только ложь, но и лесть никогда не сходила съ устъ Его.

Послѣ воскресенія Спасителя смерть для вѣрующихъ въ Него стала совсѣмъ не страшна, потому что за нею теперь видѣется жизнь нескончаемая. Окиньте взоромъ исторію христіанской церкви и посмотрите, какъ умирали истинно-вѣрующіе во Христа! Апостоль Павелъ желалъ поскорѣе разрѣшиться отъ тѣла и перейти ко Христу (Филип. 1,23); у побиваемаго камнями архиѳакона Стефана въ часъ смерти лицо просвѣтляется, какъ у Ангела, и онъ молится за враговъ своихъ (Дѣян. 6,15; 7,59 — 60); Св. Поликарпъ Смирнскій спокойно идетъ къ звѣрямъ на растерзаніе и лишь непрестанно повторяетъ имя Иисусово; Св. Василій Великій на угрозу смертью — кротко отвѣчаетъ правителю Модесту: „ты грозишь мнѣ смертью, — я ей не боюсь: она соединитъ меня со Христомъ, для Котораго я живу и тружусь“; великій страдалецъ за правду Св. Іоаннъ Златоустъ, перенесшій все: клевету, изгнаніе, ссылку, всевозможныя страданія, тихо умираетъ на пути къ мѣсту ссылки, со словами: „слава Богу за все!“ Не достало бы ни времени, ни мѣста исчислять всѣ тѣ примѣры глубокой, несокрушимой вѣры древнихъ и новыхъ учителей, праведниковъ, подвижниковъ, мучениковъ, — что послѣ воскресенія Христова для христіанъ не стало смерти, остался лишь переходъ изъ этой временной жизни въ жизнь вѣчную. Проживши назначенные каждому годы, уснемъ мы на время, какъ засыпаетъ на зимнюю пору многое въ природѣ; но пригрѣетъ насъ ясное солнышко — Спаситель нашъ, раздастъ Его могучее слово, чтобы мы встали изъ гробовъ своихъ, — и мы возстанемъ нетлѣнными для вѣчной небесной жизни (1 Корин. 15,51—52). Только бы, живя здѣсь на землѣ, приготовить намъ себя къ непостыдной встрѣчѣ со Спасителемъ и закончить эту жизнь христіанской кончиной...

Итакъ, Христосъ воскресъ, — воскреснемъ и мы! Какой же великій день — день воскресенія Христова! Какая безконечная радость открылась въ этотъ день для всѣхъ людей! Обнимемъ же, братья, радостью другъ друга и во имя Спасителя, все намъ простившаго, за насъ пострадавшаго и для насъ воскресшаго, забудемъ обиды и неприязни, да не будетъ въ этотъ святой день враговъ, пусть всѣ будутъ какъ близкіе друзья, какъ родныя братья!

„Христосъ воскресъ“, дорогой читатель!

Протоіерей Г. Шавельскій.

Христосъ Воскресъ...

(АКРОСТИХЪ).

Христосъ воскресъ! Молитесь, братья!
 Рабовъ Онъ мертвыхъ воскресилъ,
 И міра грѣхъ въ часы распятія
 Своею кровью искупилъ...
 Томись адъ лютою тоской:
 Отъ праха всталъ небесъ Зиждитель.
 Страшись навѣтникъ вражій злой:
 Воскресъ нашъ истинный Спаситель!..
 О, пусть Сынъ Божій празднествомъ
 Святится днесъ и присно!.. Братья,
 Къ распятію съ вѣрой припадемъ,
 Раскроемъ мирныя объятія!
 Его, Господне, Воскресенье
 Символь есть нашего спасенья!

Крестьянинъ С.-В. Денисовъ.

У Свѣтлой заутрени.

Въ сумракъ одѣлись холмы и долины,
Вешней прохладой несетъ отъ рѣки,
Легкою дымкой покрыты равнины,
Гдѣ-то, играя, шумятъ ручейки.
Звѣзды высоко одна за другою
Ярче и ярче блестятъ въ небесахъ...
Старая церковь стоитъ надъ рѣкою,
Дремлютъ деревни въ далекихъ холмахъ.
Тихо, спокойно!.. Но вотъ понемногу
Храмъ оживаетъ при свѣтѣ огней.
Слышится говоръ... Глядишь на дорогу:
Группы народа темнѣютъ на ней.
Голосъ призывный на встрѣчу имъ льется:
Благовѣсть храма въ полночной тиши
Пѣсней нѣжной въ пространство несетъ,
Гонитъ заботы съ усталой души!
Стало замѣтнѣй вокругъ оживленье:
Въ телѣгѣ кто ѣдетъ, кто пѣшій идетъ,
По полю прямо спѣшить изъ селенья,
Рѣчкою быстрой на лодкѣ плыветъ!

* * *

Звуки замолкли, вдали замирая...
Въ оградѣ и въ храмѣ смиренной толпой
Мужчины и бабы, и дѣти, внимая
Торжественной службѣ съ горячей мольбой,
Стоять молчаливо. Весь полонъ волненья,
Съ людьми я смѣшался... Молитвѣ внималъ...
И видѣлъ я: пламень любви, умиленья,
Какъ свѣтомъ надежды, народъ согрѣвалъ!
Мыслью неволью я въ даль уносился,
Душою сливался съ напѣвомъ святымъ,
Неволью съ толпою я плакалъ, молился,
Со всѣми охваченный чувствомъ однимъ!

* * *

Но громче все пѣнье!.. и звуки святыя
Восторженнымъ гимномъ изъ храма летятъ!
Затеплились свѣчи!.. Костры смоляные
Вокругъ запылали и ярко горятъ!
Хоругви выносятъ, толпится народъ...
Обходятъ вокругъ церкви, и пѣсня святая
О радости чистой, о жизни поетъ,
Дружбою, братствомъ сердца согрѣвая,
Несется надъ міромъ... И все оживаетъ:
Природа земная и своды небесъ.
И, мнится, въ восторгѣ весь міръ повторяетъ,
Любовью согрѣтый: „Спаситель Воскресъ“!

М. П—нъ.

Путешествіе въ Іерусалимъ.

Отъ дома «Тайной вечери» до Голгофы.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ возвращаться обратно въ Россію съ Дальняго Востока моремъ. Путь, какъ извѣстно, пролегаетъ черезъ Суэцкій каналъ, гдѣ въ Портъ-Сандѣ пароходъ обыкновенно останавливается. Отъ Портъ-Санда всего одна ночь ѣзды до Іерусалима, или, вѣрнѣе, до Яффы. Быть такъ близко возлѣ Іерусалима и не заѣхать туда, я считалъ не только не простительной ошибкой, но просто грѣхомъ. Какое счастье было-бы для многихъ русскихъ людей имѣть возможность заѣхать въ этотъ знаменитый своими святынями Священный городъ, чтобы воскресить въ памяти всѣ дѣтскія грезы и дорогія сердцу воспоминанія. Однако, изъ русскихъ людей, возвращавшихся обратно на родину, немногіе только пожелали остановиться въ Портъ-Сандѣ, чтобы пересѣсть на австрійскій пароходъ, уходящій въ этотъ вечеръ въ Яффу,—нѣкоторые, можетъ быть, потому, что у нихъ не было средствъ, но другіе просто по небрежности и апатии ко всему окружающему. Но когда мнѣ представилась возможность чрезъ день очутиться въ Іерусалимѣ, я, понятно, недолго подумавши, слѣзъ съ парохода, чтобы пересѣсть тотчасъ-же на другой пароходъ, уходящій въ Яффу.

Пріѣздъ въ Яффу, а въ особенности переѣздъ отъ мѣста

стоянки парохода на берег чрезвычайно затруднительны. Ужъ на что труденъ переѣздъ съ парохода на берегъ въ Чифу, но все-таки я нахожу, что у китайцевъ гораздо благоустроеннѣе, нежели у турокъ, и объясняется это тѣмъ, что иностранныя компаніи въ китайскихъ портахъ имѣютъ своихъ агентовъ, которые высылаютъ европейскіе катера, куда удобно слѣзть по трапу, тогда какъ въ Яффѣ дѣло обстоитъ гораздо хуже. Турки въ лодкахъ на Яффскомъ рейдѣ снимаютъ пассажировъ съ палубы парохода, или, вѣрнѣе, пассажировъ перебрасываютъ въ эти лодки вмѣстѣ съ багажемъ. Нервные люди содрогаются при одномъ видѣ бушующихъ волнъ этого взморья, на которомъ качаются турецкія лодки и куда необходимо быть переброшеннымъ. Нужно имѣть твердые нервы и рѣшительность, чтобы отдѣлаться отъ этого нервнаго состоянія, которое бываетъ со многими, и сидѣть въ лодкѣ смирно, пока не кончится эта пытка переѣзда.

Яффа для паломниковъ—самый важный турецкій портъ, черезъ который каждый обязанъ проѣхать, чтобы попасть въ Иерусалимъ. Портъ этотъ соединенъ уже теперь желѣзной дорогой со Святымъ городомъ, и въ какіе нибудь два часа поѣздъ доставляетъ васъ прямо въ Иерусалимъ. Во все время двухчасового пути по желѣзной дорогѣ идетъ въ вагонѣ самый живой обмѣнъ перекрестныхъ впечатлѣній и воспоминаній о Святыихъ мѣстахъ. Какой рай историческихъ воспоминаній у каждаго изъ пассажировъ, когда поѣздъ васъ переноситъ черезъ обширную Сараонскую равнину, гдѣ произошла битва евреевъ съ филистимлянами, и гдѣ знаменитый своей тѣлесною силой Самсонъ поражае филистимлянъ, и гдѣ наслѣно громаднаго стада царя Давида.

Не было того пассажира въ вагонѣ, который не сдѣлалъ бы своего замѣчанія и не выразилъ-бы свой восторгъ этимъ историческимъ мѣстамъ. И все эти разговоры происходятъ на разныхъ языкахъ, точно вавилонское столпотвореніе, такъ что одинъ гулъ стоитъ въ вагонѣ.

Вотъ промелькнула деревня Рамли (Армавон), откуда былъ родомъ Іосифъ, удостоившійся снятъ съ креста Пречистое Тѣло Христово и, обвинивъ его плащаницей, похоронить въ усыпальницѣ при Голгоѣ.

Переѣздъ отъ Яффы до Иерусалима незамѣтенъ, такъ быстро проходитъ время въ разговорахъ о дорогихъ сердцу историческихъ памятникахъ. Съ какимъ умиленіемъ смотрятъ пассажиры въ окна вагоновъ, прислушиваясь къ объясненіямъ, даваемымъ нѣкоторыми пассажирами, знакомыми съ этими мѣстами.

Вотъ проѣзжаемъ мы селеніе Еммаусъ, гдѣ Христосъ, по воскресеніи Своемъ, явился двумъ ученикамъ Лукѣ и Клеопѣ и былъ ими узнавъ въ преломленіи хлѣба. Какая масса памятниковъ, могилъ сѣдой старины мелькаютъ предъ вашими глазами, и которые не успѣваешь удержать въ памяти. Передъ Иерусалимомъ, когда не видно еще города, вамъ очень ясно обрисовывается Елеонская гора, гдѣ Иуда своимъ поцѣлуемъ выдалъ Божественнаго Страдальца врагамъ. Когда вы подъѣзжаете къ иерусалимской жел.-дорожной станціи, васъ окружаютъ всевозможныя національности, межъ которыми выдѣляются турецкія фески, характерныя арабы, нубійцы, но главнымъ образомъ—евреи. Характерная особенность иерусалимскихъ евреевъ поражаетъ путешественника тѣмъ, что они еще болѣе бросаются въ глаза, нежели евреи Галиціи. Бѣдные, страшно запыленные, грязные, они въ замѣчательныхъ ветхозавѣтныхъ костюмахъ назойливо предлагаютъ вамъ свои услуги. Русскихъ-же паломниковъ на станціи встрѣчаетъ обыкновенно представитель Палестинскаго Общества и отводитъ ихъ прямо на русское подворье. По своей чистотѣ, опрятности, дешевизнѣ и доброкачественности стола и по удобству въ дѣлѣ подробнаго ознакомленія со всеми Святыми мѣстами—это замѣчательное учрежденіе въ Иерусалимѣ.

Я не имѣлъ сначала понятія о дѣятельности этого Общества, а потому былъ предубѣжденъ противъ остановки въ русскомъ подворьѣ, зная, по горькому опыту, какъ немилосердно русскія гостиницы или подворья въ загранич-

ныхъ портахъ дерутъ и сосутъ изъ несчастныхъ русскихъ путешественниковъ, не знакомыхъ съ языкомъ и обычаями иностранцевъ.

Самая дорогая вещь въ Иерусалимѣ—это вода, такъ какъ свѣжей, проточной воды нѣтъ въ Иерусалимѣ, поэтому жители копятъ въ дождливое время года эту воду въ особо устроенныхъ цистернахъ и берегутъ ее пуще зѣницы ока, такъ что временами цѣнность ведра воды доходитъ до рубля. Такъ какъ я страстный любитель чая, поэтому и брали съ меня за кипятокъ немилосердно, начиная отъ Портъ-Саида, и въ другихъ турецкихъ портахъ, гдѣ только прѣсная вода добывается искусственнымъ путемъ. Въ русскомъ-же подворьѣ Иерусалима знаютъ слабость русскихъ людей къ чаю, и цѣны очень доступны.

Русское подворье, по обширности и многочисленности зданій и по прекрасно выстроенному близъ него Храму Святой Троицы, занимаетъ выдающееся мѣсто. Видно много заботы, хлопотъ и труда стояло Палестинскому Обществу создать такое обширное подворье, но за то оно несомнѣнно оставляетъ у всехъ русскихъ людей, любящихъ свою Родину, самое дорогое воспоминаніе.

Пріѣхавъ въ Иерусалимъ, я хотѣлъ предварительно одинъ пройти по „Скорбному пути“, чтобы мысленно наединѣ съ собой пережить и перечувствовать все, что совершалось 19 вѣковъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Когда мнѣ предложили въ подворьѣ осмотрѣть „Скорбный путь“ вмѣстѣ со всеми паломниками, то я не захотѣлъ, зная, какой беспорядокъ и шумъ царствуетъ всегда въ русской компаніи, но я черезъ нѣсколько дней убѣдился, что мнѣ гораздо дешевле стоило-бы и я-бы больше увидѣлъ и узналъ, если-бы отправился со всеми паломниками и вожатымъ отъ Палестинскаго Общества.

Я взялъ съ собою одного только каваса и началъ съ осмотра дома „Тайной Вечери“. До подробнаго ознакомленія съ Иерусалимомъ, я хотѣлъ обойти не только „Скорбный путь“, но и все мѣсто на которомъ въ продолженіи двухъ сутокъ разыгралась величайшая въ мірѣ трагедія. Съ планомъ и описаніемъ путеводителя я могъ одинъ и безъ каваса обойти все Святыя мѣста, но меня пугало незнаніе турецкаго языка и небезопасность этихъ мѣстъ для европейцевъ.

Когда мы подошли къ дому „Тайной Вечери“, то ту-рокъ сталъ торговаться со мною объ уплатѣ бакшина за осмотръ этого дома, указывая пальцами, какое количество „барашекъ“ (турецкая монета) я долженъ уплатить. Домъ этотъ представляетъ собой небольшое двухъ-этажное зданіе, гдѣ нижній этажъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ коихъ болѣе просторная называется „Горницей умовенія ногъ“, а меньшая „Мѣсто явленія Господа“ ученикамъ по Воскресеніи. Въ верхнемъ этажѣ одна комната называется „Горница Сопоствія Святаго Духа“, а западная „Горница Тайной Вечери“. Въ послѣдней комнатѣ находится престолъ, гдѣ христіане совершаютъ богослуженіе.

Читатель легко себя можетъ представить, что долженъ чувствовать глубоко вѣрующій христіанинъ, когда онъ становится вблизи того мѣста, гдѣ Христосъ, прощаясь со своими учениками, умывалъ имъ ноги и раздѣлялъ съ ними свою послѣднюю трапезу, и видѣть все пренебреженіе турецкихъ властей къ этому мѣсту...! Не только это мѣсто, но вообще весь Иерусалимъ, за весьма немногими исключеніями, гдѣ обстроились европейцы, утопаетъ въ грязи.

Какъ стыдно и больно должно быть являющимся сюда публичнымъ европейцамъ—видѣть эти Священныя мѣста въ такомъ запустѣніи!... Осматривая этотъ двухъ-этажный домикъ, я мысленно перенесся въ домъ и городъ, гдѣ родился знаменитый англійскій поэтъ Шекспиръ, которые я осматривалъ за годъ до моего пріѣзда въ Иерусалимъ. Даже такое мѣсто англичане считаютъ своей національной святыней и окружаютъ его такой чистотой и благовѣніемъ, а тутъ священнѣйшее мѣсто для всего христіанскаго міра остается въ такомъ пренебреженіи, и та самая Англія, которая могла-бы вліять на Турцію, чтобы очистить весь Ие-

русалимъ отъ всей этой грязи, не сдѣлала ни одного шага въ этомъ направленіи.

При выходѣ изъ дома „Тайной вечери“, когда вы поднимитесь немного выше на гору Сіонъ, вамъ показываютъ развалины дома Св. Іоанна Богослова, гдѣ Божья Матерь жила до своего Успенія, а немного дальше домъ первосвященника Каиафы, гдѣ Христосъ былъ судимъ и гдѣ Апостолъ Петръ трижды отрекся отъ Христа. Это чистенькій дворикъ армянскаго монастыря, гдѣ Христосъ дождался утра съ Четверга на Пятницу послѣ приговора, среди поруганій.

Переходъ отъ „Тайной вечери“ черезъ ручеекъ Кедринскій въ Геесиманскій садъ занимаетъ немного времени, такъ какъ весь Іерусалимъ вы можете обойти кругомъ въ часъ или два. Одно мѣсто отъ другого такъ близко другъ отъ

друга, какъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ спали и къ нимъ Христосъ—приходилъ три раза, а немного подальше пещеру, гдѣ были другіе Апостолы. Предъ входомъ въ садъ Іуда поцѣлуетъ и выдастъ Христа воинамъ, которые и повели Его до дома Каиафы.

Въ пятницу, поутру Христа изъ дома Каиафы повели въ присутственное мѣсто (синедрионъ), гдѣ собирались всѣ еврейскіе судьи (фарисеи и саддукеи). Синедрионъ собирался въ храмъ Соломона, на горѣ Моріа, которая чрезвычайно ясно видна со всѣхъ сторонъ Іерусалима. Въ настоящее время, вмѣсто храма, выстроена громадная мечеть Омара и, вмѣсто прежней кипучей дѣятельности, теперь почти пустая площадь. Оттуда весь Синедрионъ отправился съ осужденнымъ на смерть Христомъ къ дому Понтія Пилата, который

Внутренность Храма Гроба Господня.

Входъ въ часовню надъ пещерой Гроба Господня.

друга, что въ два или три дня вы легко осваиваетесь со всемъ городомъ и можете изучить всѣ уголки Святаго града. Предъ входомъ въ Геесим. садъ, въ поперечной линіи стѣны лежитъ камень съ красноватыми жилами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ колѣнопреклоненный Христосъ совершалъ свою предсмертную молитву. „Отче мой! если возможно, да идетъ мимо Меня чаша сія. Впрочемъ да будетъ воля Твоя!“

Вы невольно останавливаетесь, не входя еще въ садъ, предъ этимъ Священнымъ памятникомъ, чтобы благоговѣнно приложиться къ нему. Входя въ садъ, католическіе монахи показываютъ вамъ то мѣсто, гдѣ Христосъ, оставивъ учениковъ, сказалъ имъ „посидите здѣсь, пока я помолюсь тамъ“, и указываютъ на горный выступъ, на которомъ уче-

находится близъ Геесиманскаго сада, но нужно перейти только Кедронъ обратно.

Отъ тѣхъ зданій, которыя были при Іисусѣ Христѣ, не осталось и камня на камнѣ. Все это новыя постройки, и мѣсто, гдѣ былъ выстроенъ домъ Пилата и откуда начинается „Страстной путь“, застроено теперь турецкими казармами.

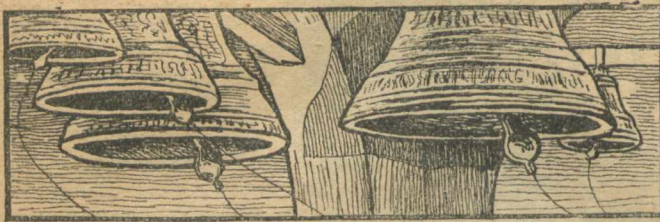
Палестинское Общество очень занято раскопками въ Іерусалимѣ улицы, по которой пролегаетъ „Страстной путь“, такъ какъ настоящая улица, бывшая при Іисусѣ Христѣ, засыпана теперь разными обломками разрушенныхъ зданій и находится почти на 5 саженой глубинѣ. Палестинское общество, посредствомъ подземныхъ ходовъ, находитъ дѣйствительную улицу, существовавшую при Христѣ. Весь „Страстной путь“

отъ дома Пилата до Голговы вы можете обойти въ десять минутъ.

Мѣсто, гдѣ происходило бичеваніе Христа передъ домомъ Пилата, принадлежитъ католикамъ, а немного дальше по Страстному пути находится арка, перекинута черезъ узкую улицу, гдѣ Пилатъ вывелъ избитаго Христа народу и сказалъ: „Се человекъ“. Вы можете осмотрѣть арку, такъ какъ вверху живеть турокъ, и за „барашки“ онъ вамъ показываетъ это мѣсто. Мѣсто же подъ аркой принадлежитъ уже французской общинѣ сестеръ милосердія. Послѣднимъ принадлежить также тутъ же построянная церковь. Особенность этой церкви заключается въ томъ, что богослуженіе происходитъ здѣсь вполголоса изъ уваженія къ этому мѣсту. Безшумно и тихо двигаются всѣ входящіе и выходящіе, и церковь эта поражаетъ своей тишиной. Нигдѣ въ Иерусалимѣ вы не встрѣтите мѣста, гдѣ бы вѣрующіе относились съ такимъ уваженіемъ къ святынь, какъ здѣсь. Вездѣ въ остальныхъ мѣстахъ святаго города вы встрѣчаете толкотню, шумъ и гамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло доходитъ до драки между греческими и католическими священниками. Эти грязныя сцены возмущаютъ душу у набожныхъ богомольцевъ и оставляютъ непріятнѣйшія воспоминанія о Иерусалимѣ.

Въ ста шагахъ отъ этой арки поставленъ каменный столбъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ палъ подъ тяжестью креста, здѣсь же вблизи и домъ богача Лазаря и мѣсто встрѣчи съ Симономъ, и камень въ стѣнѣ дома указываетъ это мѣсто. Наконецъ, вы подходите къ развалинамъ судныхъ воротъ, гдѣ къ стоящей колоннѣ прикрѣпился въ то время приговоръ осужденному. Тутъ же указываютъ вамъ мѣсто, гдѣ Христосъ, видя слезы женъ іерусалимскихъ, совѣтовалъ имъ плакать не о Немъ, а о себѣ и дѣтяхъ ихъ. Судными воротами заканчивается улица, и начинается уже Голгова и мѣсто погребенія (усыпальница), но, чтобы осмотрѣть всѣ эти мѣста, вы должны уже войти въ храмъ гроба Господня, заключающій въ себѣ главнѣйшую Святыню всего христіанскаго міра и находящійся на этой улицѣ, при поворотѣ направо.

И. Левитовъ.

Въ Свѣтлую ночь.

Звучать вокругъ колокола!

Поютъ они во тьмѣ ночной
О дружбѣ, счастьѣ и любви,
Любви, согрѣвшей міръ земной!

* * *

Поютъ они, что люди—братья,
Что свѣтъ Спасителя всегда
Равно сіяетъ надъ землей,
Какъ путеводная звѣзда!

* * *

Поютъ они, и это пѣнье
Сердца ласкаетъ и живить,
Покой и радость, и надежды
Душѣ страдающей дарить!

* * *

Звучать, поютъ колокола!..
Зарю блещетъ даль небесъ!
И льется полное любви:
„Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!“

М. П—мъ.

Пасхальные богоносцы.

Свѣтлое Христово Воскресенье Церковью называется праздникомъ праздниковъ торжествомъ изъ торжествъ. Въ народѣ онъ носитъ названіе Великодня. Этотъ великій день охватываетъ и заключаетъ въ себѣ всю Пасхальную недѣлю, которая считается, какъ одинъ великій день. Вся седмица величается Святой, Свѣтлой, Радостной, Великою, Красною, Славною, Великодненскою. Недаромъ же изъ безвѣстныхъ глубинъ сѣдой старины сохранилось преданіе, что, когда воскресъ Господь Іисусъ Христосъ, солнце не заходило во всѣ семь сутокъ, а стояло надъ землей въ первые два дня на востокъ въ слѣдующіе три дня на полудни, остальные два дня—на западѣ и только на восьмой день зашло; поэтому вся та недѣля была одинъ великій день. Это извѣстное преданіе сѣдой старины не есть только достояніе стоустой народной молвы: оно встрѣчается въ древнерусскихъ вѣроучительныхъ и правоучительныхъ сборникахъ („Златая Чепъ“). Противъ него, какъ сильно укоренившася въ рускомъ народѣ ложнаго вѣрованія, вооружился въ XVI в. знаменитый ученый, преподобный Максимъ Грекъ, но оно до сихъ поръ сохраняется въ памяти и держится на устахъ народа. Народъ и теперь говоритъ, что въ этотъ свѣтлый день при восходѣ „играетъ красное солнышко“, почему любители посмотрѣть такое явленіе взбираются на возвышенныя мѣста и увѣряютъ, что они дѣйствительно видѣли „играніе краснаго солнышка“. Въ православныхъ храмахъ во всю Свѣтлую недѣлю не закрываются царскія врата, а по исконному народному вѣрованію, во всю Великодненскую седмицу остаются отверстыми и небеса, и врата пресвѣтлаго рая. Вотъ почему, гласить крѣпкая дѣдовскими преданіями народная молва, души людей, съ покаяніемъ и вѣрою умершихъ въ эту недѣлю, не проходятъ мытарствъ, а отправляются прямо въ обитель райскую. Въ эти дни въ аду, какъ увѣряетъ народное сказаніе—стихъ каликъ переходящихъ, въ исполненіе обѣщанія апостолу Павлу, даннаго Господомъ Іисусомъ Христомъ, прекращаются на всю Свѣтлую недѣлю адскія муки, а грѣшники радуются и наслаждаются покоемъ.

Великая радость происходитъ и на землѣ между живущими во всю Пасхальную Седмицу. Въ эти свѣтлые дни, по многовѣковому устному и письменному преданію—вѣрованію, страдаетъ на землѣ Господь Іисусъ Христосъ съ апостолами въ видѣ бѣдняковъ, въ нищенскихъ одеждахъ, испытывая людское милосердіе, награждая добрыхъ и караа злыхъ. Руководствуясь этимъ преданіемъ, благочестивые русскіе люди, всегда милостивые и жалостливые къ убогимъ

и несчастнымъ, въ эти именно дни Свѣтлаго Христова Воскресенія обильно угощаютъ всѣхъ и каждаго. Вся Русь богомольная, вся Русь хлѣбосольная считаетъ священною обязанностью проводить Божьи праздники въ полномъ довольствіи и изобиліи. Раскошеливаются и крѣпыши—экономные домохозяева. Варятъ на праздники меда и хлѣбную брагу, припасаютъ птицу и убойну. Домовитыя и заботливыя хозяйки наварятъ и напекутъ куличей, пироговъ и всякой снѣди столько, что въ свѣтлицѣ ломятся дубовые столы набранные отъ груды вкусныхъ и разнообразныхъ яствъ. На всѣ свѣтлые праздники хватить заготовленного и своей семьѣ, и добрымъ людямъ. Все, чѣмъ благословить Господь крестьянина-пахаря, все, что дала ему политая его потомъ мать сыра земля, все, что добытъ онъ неусышнымъ трудомъ и умѣнемъ вести хозяйственный кругооборотъ, все несложное, неприхотливое, по здоровое и сытное благосостояніе и довольство на праздничномъ столѣ его.

Но, несмотря на свѣтлый, радостный праздникъ, несмотря на обиліе яствъ, неволью располагающѣхъ къ веселію и невоздержанію, строго религиозный русскій крестьянинъ не предается праздничному разгулу до тѣхъ поръ, пока въ его свѣтлицѣ не побываютъ съ молитвенными благословеніями „Божьи гости“—христославы, священникъ съ причтомъ и цѣлымъ сонмомъ „Богоносцевъ“ съ церковною святынею—хоругвями, крестами и иконами и не отпуютъ пасхальныя священныя пѣсни предъ его домашней святыней—божницей и не покадятъ предъ нею благовоннымъ ладаномъ. По исконному святорусскому обычаю, идущему изъ глубокой древности, съ незапамятныхъ временъ, какъ только послѣ обѣдни разговѣтся свяченнымъ православный народъ, во всѣхъ городахъ и селахъ выходитъ изъ церкви крестный ходъ съ пѣніемъ пасхальныхъ стиховъ и другихъ священныхъ пѣснопѣній и обходитъ изъ двора во дворъ весь приходъ. Хоругви и большіе запрестольные кресты остаются обыкновенно во дворѣ или у воротъ, а малые кресты и святые иконы вносятся въ избу и ставятся въ святой уголъ, гдѣ къ этому времени домохозяева-землевладѣльцы припасаютъ обыкновенно кадочки и ведерки, насыпанныя зерновымъ хлѣбомъ, предназначеннымъ къ поѣвѣ. На эти кадочки и ведерки ставятся обыкновенно принесенныя святые иконы, а кресты погружаются рукоятками въ насыпанныя зерна. Возглашается обыкновенно ектенія съ чтеніемъ по грамоткѣ или поминальнику о здравіи, прочитывается пасхальное евангеліе и молебень заканчивается. Священникъ благословляетъ обильный пасхальный столъ, желающіе закусываютъ, но быстро поднимаютъ святые кресты и иконы и съ пѣніемъ пасхальныхъ стиховъ идутъ въ другой домъ, такъ какъ до вечерни слѣдуетъ обойти назначенный участокъ или цѣлое село. Остаются въ избѣ только родные и любители поить—поѣсть. Привѣтливые, ласковые хозяева, проводившіе „Божьихъ гостей“ до сосѣдняго двора, возвращаются къ оставшимся въ свѣтлицѣ гостямъ, и начинается неторопливое, основательное угощеніе.

„Богоносцы“, несущіе хоругви, кресты, святые иконы, или вовсе ничего не ѣдятъ, или только слегка закусываютъ. Имъ не доусыщенія: они совершаютъ святое, богоугодное, душе-спасительное дѣло,—они по обѣту именно ходятъ, „подъ Богомъ“, какъ часто выражаются о своемъ натруженіи. Въ русскомъ народѣ, кромѣ названія „богоносцевъ“—самаго общераспространеннаго и общеупотребительнаго,—ихъ часто называютъ „обречниками или обреченниками, обѣтниками или обѣщенниками“, т. е. обречшимися на это душе-спасительное дѣло, давшими обѣтъ носить во все время пасхальнаго крестнаго хода какую нибудь святую икону или крестъ. Эти „богоносцы“ на все время своего потрудженія становятся какъ бы членами церковнаго клира, и народъ относится къ нимъ съ почтеніемъ и полнымъ уваженіемъ, какъ къ „людямъ Божьимъ, Божьимъ гостямъ“. Въ числѣ „богоносцевъ“ встрѣчаются люди обоихъ половъ, молодые и старые, дѣвцы и женщины. Церковная святыня ввѣряется для крестныхъ ходовъ не всякому, попавшемуся подъ руку. Еще зимою давнѣе по какому нибудь случаю обѣтъ носить

въ пасхальныхъ крестныхъ ходахъ какую нибудь святую икону обращаются къ церковному старостѣ за совѣтомъ и разрѣшеніемъ, а потомъ къ батюшкѣ за благословленіемъ носить такую-то святую икону, или такой-то четный крестъ. Участіе въ сонмѣ „богоносцевъ“ дозволяется только по уважительнымъ причинамъ и лицамъ, заслуживающимъ довѣрія. Заручившись согласіемъ и благословленіемъ священника, будущіе богоносцы серьезно притовляются къ предстоящему имъ богоугодному и душе-спасительному дѣлу: не поютъ пѣсень, не участвуютъ въ играхъ, избѣгаютъ ссоръ и веселыхъ бесѣдъ, по возможности чаще посѣщаютъ церковныя богослуженія и заготавливаютъ пелены и распитыя полотенца, на которыхъ они будутъ носить избранную святую икону. При обхожденіи вокругъ церкви передъ началомъ „Христовой заутрени“ „богоносцы“ еще не всѣ участвуютъ въ крестномъ ходѣ. Исполненіе ими своихъ обязанностей начинается только съ крестнаго хода вокругъ храма послѣ обѣдни. Такъ какъ такіа обхожденія происходятъ во всѣ дни свѣтлой седмицы, то „богоносцы“ обязательно являются къ обѣднѣ. Во время крестныхъ ходовъ по селу и деревнямъ „богоносцы“ принимаютъ участіе и въ пѣніи пасхальныхъ стиховъ и пѣснопѣній.

Особенно торжественную, трогательную картину представляетъ величественное шествіе крестнаго хода по полю или лѣсомъ въ деревню. Тихое весеннее утро. Въ воздухѣ носятся и кувыркаются распѣвающіе жаворонки. Длинными вереницами летятъ на сѣверъ гуси, лебеди и журавли. На безоблачномъ небѣ сияетъ яркое весеннее солнышко, длинными снопами-лучами отражаясь на блестящихъ украшеніяхъ крестнаго хода, двигающагося съ подобающимъ священному шествію величіемъ. Далеко по полю разносится колокольный Пасхальный трезвонъ, сливающимся съ стотытымъ пѣніемъ хвалебныхъ стиховъ и пѣснопѣній церковнаго клира, богоносцевъ и богомольцевъ. Если въ деревнѣ есть своя часовня или приписная церковь, то изъ нея за околицу выходитъ свой крестный ходъ на встрѣчу идущимъ „Божьимъ гостямъ“—сельскому церковному крестному ходу.

Послѣ совершенія литіи на мѣстѣ встрѣчи крестнаго хода, обѣ процессіи направляются къ часовнѣ или приписной церкви, гдѣ совершается пасхальный молебень. Отсюда уже, послѣ непродолжительной мірской трапезы, предложенной прибывшимъ гостямъ на столахъ, разставленныхъ у часовни или приписной церкви, прибывшій крестный ходъ отправляется по домамъ для совершенія краткихъ молебствій. Если успѣваются въ теченіе дня обойти всѣ дома, то крестный ходъ отправляется на поля, засеянные озимыми хлѣбами, гдѣ передъ всѣми иконами и всею принесенною святынею совершается торжественный мірской молебень съ водоосвященіемъ. Предшествующій всѣмъ богоносцами священникъ обходитъ озимыя поля и окропляетъ ихъ святою водою.

Приходится иногда крестному ходу ночевать въ деревнѣ, если не успѣли обойти всѣхъ домовъ или на другой день предполагается идти крестнымъ ходомъ въ другую деревню. Въ такомъ случаѣ всю „святость“—хоругви, кресты и иконы ставятъ обыкновенно въ часовню, а за неимѣніемъ ея въ чистую, просторную избу.

Всякій домохозяинъ, какъ бы ни была многочисленна его семья, величайшимъ благополучіемъ и счастьемъ считаетъ для себя такое пребываніе въ его домѣ церковной святыни. Это для него именно Божіе посѣщеніе, великая Божія милость. Большимъ грѣхомъ считается въ нашемъ народѣ не принятіе почему-либо въ своемъ домѣ „богоносцевъ“. По глубокому вѣрованію православнаго простонародья, изъ такого дома навсегда удаляется благодать Божія. Не посмѣхъ только отъ людей, а всякія бѣды и наказанія несчастіями грозятъ въ будущемъ такому дому и его хозяину. „Богоносцы“, какъ желанные всѣми „Божьи гости“, расходятся по домамъ деревенскихъ жителей, чтобы съ ранняго утра снова приняться за свой Богоугодный, душе-спасительный подвигъ.

Пока церковная святыня въ деревнѣ, все обходится

чинно, мирно, благоговѣнно. Православный русскій людъ, до-вольный Божьимъ посѣщеніемъ, молится, радуется Божіей милости и хранить во всемъ умѣренность и воздержаніе. Только когда съ почетомъ и благоговѣніемъ проводятъ далеко за околицу „Божьихъ гостей, Богоносцевъ“, въ деревнѣ начинается мірской праздникъ. Во всѣхъ избахъ идетъ угощеніе всѣмъ, что Богъ послалъ и припасли тороватые, угостительные хозяева. На перекресткахъ и деревенскихъ площадкахъ вѣшаются незатѣйливыя качели, молодежь водить хороводы, ребятишки катаютъ красныя яйца, всюду слышится оживленный говоръ, смѣхъ и пѣсни. Сельщина и деревенщина шумно „справляетъ“ торжественный праздникъ Великаго дня.

„Богоносцы“ же продолжаютъ свое богоугодное дѣло, свой обѣщанный Богу душеспасительный подвигъ, они идутъ,— „подъ Богомъ“ до тѣхъ поръ, пока не окончатся свѣтлые праздники, пока въ великоденскую субботу не пойдутъ послѣ обѣдни вокругъ церкви крестнымъ ходомъ. Оброчники и обѣдники крѣпко вѣруютъ, да и весь православный русскій людъ смотритъ такъ же, что святочное „Богоношеніе“ вмѣняется обѣднику за седьмую часть дороги въ градъ Іерусалимъ“. Семь Свѣтлыхъ седмицъ подъ Богомъ походить—въ Іерусалимъ-градъ сходить“, убѣжденно говорила и говорить православная Русь.

М. О—въ.

Свѣтлое Христово Воскресеніе у Царей Московскихъ.

Передъ Свѣтлымъ Праздникомъ, обыкновенно въ Великую Пятницу, Государь—Царь Московскій скрытно, въ сопровожденіи однихъ только довѣренныхъ лицъ или отряда стрѣльцовъ, посѣщала тюрьмы и богадѣльни и тамъ изъ собственныхъ рукъ подавала милостыню заключеннымъ и бѣднякамъ, дряхлымъ, увѣчнымъ и сиротамъ, каждому не меньше полтины (въ старину полтина стоила значительно дороже нынѣшней), а иногда по рублю и больше, даже до пяти рублей.

Къ этому времени нищія во множествѣ собирались по улицамъ, по которымъ долженъ былъ проходить Государь.

И ихъ изъ собственныхъ рукъ одѣлялъ онъ также щедро.

Кромѣ того, нищія и убогіе собирались на Красной площади и на Земскомъ дворѣ, гдѣ раздавали имъ милостыню Государевы довѣренные люди.

Въ эти же дни въ Золотой и Столовой палатахъ царскаго терема устраивались изобильные столы на нищую братію. Иногда самъ Государь обѣдалъ вмѣстѣ съ нищими за этимъ столомъ.

Къ вечеру на Свѣтлый праздникъ во дворецъ Государя собирались всѣ высшіе „дворовые и служилые“ чины, т. е.

бояре и сановники, а иногда по особому приглашенію и младшіе для того, чтобы видѣть Государевы „пресвѣтлыя очи“ и сопровождать его въ соборъ къ церковной службѣ.

Ко времени выхода Государя на улицы собирались толпы народа полюбоваться на его пышное шествіе; при появленіи же Государя, народъ „билъ ему челомъ“.

Государево шествіе, отличавшееся въ этотъ день особою торжественностью, открывали стрѣльцы, числомъ до шестисотъ человѣкъ,—выборные отъ стремяннаго и другихъ полковъ. Одѣты были стрѣльцы въ длинные суконные кафтаны съ отложными воротниками и съ широкими петлицами на груди, на головахъ у нихъ были суконныя, отороченныя мѣхомъ шапки. Каждый полкъ былъ одѣтъ въ кафтаны и шапки особаго цвѣта для каждаго полка. Стрѣльцы стремяннаго полка шли въ кафтанахъ краснаго цвѣта съ бѣлыми петлицами и бѣлой кожаной перевязью черезъ плечо, называвшейся берендейкою. На берендейкѣ висѣли: „зарядцы съ кровельцами“, то-есть патроны; „сумка фитильная, сумка пулечная и натруска“ (рогъ для пороха). Стрѣльцы другихъ полковъ были одѣты въ кафтаны шапки и сапоги другихъ цвѣтовъ: были тутъ полки въ зеленыхъ кафтанахъ съ малиновыми петлицами и въ желтыхъ сапогахъ, были другіе—въ кафтанахъ оранжевыхъ съ черными петлицами, въ шапкахъ вишневаго цвѣта и въ зеленыхъ сапогахъ.

Шли они по три и по четыре въ рядъ, неся на правомъ плечѣ золоченыя пищали (ружья), а въ лѣвой рукѣ—золоченые бердыши и „протазаны“ (сѣкиры на длинныхъ древкахъ). Выборные отъ первыхъ сотенъ каждаго полка шли безъ пищалей, только съ одними золочеными копьями. При каждой части полка шли начальные люди—сотники и пятидесятники—съ саблями и имѣли въ рукахъ, какъ знаки достоинства, палочку.

За стрѣльцами сначала шли „нижніе“ чины, по трое въ рядъ, въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними—высшіе въ „золотныхъ“ (шитыхъ золотомъ) кафтанахъ; далѣе—ближніе люди, думные дьяки и окольниковы въ богатыхъ губахъ.

Вслѣдъ за ними шелъ постельничій съ царскою стряпнею“. Впереди него человѣкъ двѣнадцать въ Государево платьѣ; затѣмъ, двое шли съ полотенцемъ, слѣдующіе несли стулъ (кресло) съ „зголовьемъ“ (подушкою), подножье (коверь) и солношникъ (балдахинъ или зонть).

Государь шествовалъ въ большомъ царскомъ нарядѣ: поверхъ зипуна (домашней неширокой рубахи) и становаго кафтана на немъ было царское „платно“ изъ дорогой золотной матеріи (парчи), изукрашенное жемчугами и самоцвѣтными камнями.

Вънецъ Государевъ, называвшійся по соболиной опушкѣ шапкою, блисталъ алмазами, изумрудами и яхонтами (рубинами). Плечи Государя покрывали бармы (оплечья); на груди на золотой цѣпи—наперсный крестъ. Бархатные или сафьянные сапоги Государя были богато унизаны жемчугомъ.

Правою рукою Государь опирался на жезль, также украшенный золотомъ и драгоценными камнями.

Двое стольниковъ, изъ ближнихъ людей, поддерживали Государя подъ руки.

Вокругъ шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ.

За ними шелъ окольниковый, а по обѣ стороны царскаго пути—стрѣлцкіе полковники въ бархатныхъ фезезяхъ: „они оберегали Государское шествіе отъ угрѣненія нижнихъ чиновъ людей“. Затѣмъ шли „гости“ (богатые купцы) въ „золотныхъ“ кафтанахъ и, наконецъ, разныхъ чиновъ люди и народъ. Шествіе съ обѣихъ сторонъ замыкалось стрѣльцами.

Въ соборѣ Государь въ время свѣтлой заутрени христосовался съ Патріархомъ, а остальныхъ во время христосованія, стоя на своемъ царскомъ мѣстѣ, жаловалъ къ рукѣ и раздавалъ каждому яйца, позолоченныя и расписанныя красками.

Возвратясь изъ собора, Государь въ сопровожденіи

Патріарха, духовенства и ближнихъ людей, шествовалъ въ царицны палаты, христосовался съ нею, съ семействомъ и съ родственниками, обмѣнивался съ Государынею „краснымъ“ яичкомъ и „великоденскими“ дарами.

На Святой недѣлѣ Государь торжественно, въ присутствіи всего „Царскаго чина“, принималъ въ Золотой палатѣ, Патріарха, митрополитовъ и другихъ высшихъ духовныхъ лицъ, приходившихъ къ нему съ „приносомъ“, или съ дарами.

Патріархъ благословлялъ Государя иконою въ богатомъ окладѣ и золотымъ крестомъ и приносилъ ихъ ему въ даръ; дарилъ ему драгоценные кубки, по „портицу“ (куску) различныхъ бархатовъ и другихъ цѣнныхъ матерій, „три сорока“ соболей и сто золотыхъ.

Царицѣ, царевичамъ и царевнамъ Патріархомъ подносились такіе же дары, но въ меньшемъ количествѣ. Митро-

палату и принималъ тамъ поздравленія отъ всѣхъ служилыхъ, дворовыхъ и всякихъ чиновъ людей, жаловалъ каждого къ рукѣ и одѣлялъ всѣхъ крашеными яйцами.

Въ одинъ изъ дней Святой недѣли устраивался „чиновный“ праздничный столъ—обѣдъ. Къ этому обѣду приглашались Патріархъ и прочія духовныя власти и бояре, по выбору и приглашенію.

Государь шествовалъ къ обѣду въ Грановитую палату въ шубѣ, крытой серебряною парчей, въ сопровожденіи бояръ и другихъ лицъ, приглашенныхъ къ столу, и сѣдился на свое „Царское мѣсто“, (тронъ) за своей Царскій столъ помѣщавшійся въ переднемъ углу. По сторонамъ Царскаго мѣста, справа и слѣва, становились столы съ мечами, въ фезяхъ золотныхъ и шапкахъ по одному человѣку; поодаль отъ нихъ по два человѣка стрѣльцкихъ полковниковъ, безъ шапокъ. Столъ, кованный золотомъ и серебромъ, накры-

Свѣтлое Христово Воскресеніе въ царскихъ палатахъ Московскаго Кремля.

(Съ рисунка живописца А. П. Рабушнина).

политы прочихъ городовъ дарили или присылали (если они сами почему-нибудь не могли быть въ Москвѣ) со своими довѣренными лицами Государю и всему его семейству „великоденское яйцо“, т. е. благословляли его и каждого члена его семейства иконою въ серебряномъ окладѣ; дарили мѣхъ меду и извѣстное, опредѣленное всегда, количество золотыхъ.

Вслѣдъ за духовенствомъ, а иногда и одновременно съ нимъ, къ Государю являлись съ подарками „гости“ московскіе и другихъ городовъ, а также торговые люди. Дарили они Государю только золотые.

Служилые же (т. е. военные) люди: бояре, окольнічьи, дворяне—даровъ Государю не подносили.

Въ продолженіе всей Свѣтлой недѣли для людей каждаго званія назначался особый день для приѣма въ царскомъ терему.

Отслушавъ обѣдню, Государь шествовалъ въ приѣмную

палату и принималъ тамъ поздравленія отъ всѣхъ служилыхъ, дворовыхъ и всякихъ чиновъ людей, жаловалъ каждого къ рукѣ и одѣлялъ всѣхъ крашеными яйцами. Палата украшена была „поставцами“ (буфетами), обитыми шелковыми фатами и уставленными кубками, ковшами, чарками, кунганами и ведрами затѣйливой работы съ винами и медами, на другихъ поставцахъ—блюда съ кушаньями и всякія хлѣбныя яства.

Вслѣдъ за Государемъ сѣдлись по мѣстамъ сначала за большой столъ—бояре, послѣ нихъ остальные—за другіе столы, по старшинству. Каждый изъ приглашенныхъ, занимая свое мѣсто, „поклонялся Государю о правую руку до сырой земли“.

Предобѣденную молитву совершалъ духовникъ Государя,

протопопъ Благовѣщенскаго собора, а затѣмъ на золотомъ блюдѣ подавалось первое праздничное кушанье—жареный лебедь. За нимъ слѣдовали многочисленныя другія блюда, числомъ до пятисотъ, и питья—вина и меда.

Подъ конецъ пира провозглашалась „чаша Государева“—здравица за Государя; всѣ присутствовавшіе поднимались со своихъ мѣстъ и, по порядку старшинства, подходили къ „мѣсту Государеву“.

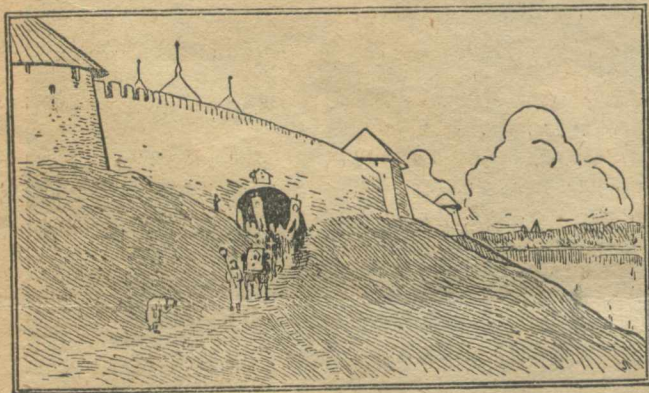
Государь изъ собственныхъ рукъ подавалъ каждому задравную чашу.

Принявъ кубокъ, каждый отступалъ на нѣсколько шаговъ назадъ, поклонялся, билъ челомъ Государю, осушалъ кубокъ и переворачивалъ его на голову, чтобы показать, что онъ, желая Государю всякаго благополучія, вышилъ до дна, затѣмъ всѣ опять садились на свои мѣста.

Обѣдъ продолжался часовъ пять, иногда и шесть, и къ концу его многіе гости, по свидѣтельству очевидца, „зѣло ушивались“. По окончаніи стола, духовникъ Царя со священниками читали молитвы, и Государь шествовалъ въ свои хоромы, а гости разѣзжались по домамъ.

Этимъ званымъ столомъ заканчивались праздничныя торжества во дворцѣ Московскихъ Государей.

П. Либень.

Пасха въ старину.

ОЧеркъ.

I.

Въ хоромѣхъ у молодой Царицы, Маріи Ильинишны, супруги Царя Алексѣя Михайловича, въ „Верху“ съ самаго утра Страстной субботы кипѣла работа.

Царицѣны дѣвушки—дѣловицы свѣжнн приготовляли для Царя-Батюшки отъ Царицы новыи Царскіи нарядъ въ подарокъ ко дню Святого праздника.

„Наплечныи“ мастерицы кроили дорогую парчу, дѣловицы—швей обшивали рукава, полы и по подолу новую ферязь камнями самоцвѣтными, а Сама Царица унизывала ожерелье изъ алаго бархата венецейскими яхонтами, изумрудами самоцвѣтными, лалами самоцвѣтящими да окатыми бурмицкимъ зерномъ.

Особая дѣловица нанизывала на новыи башмаки Государя мелкій жемчугъ да обшивала ихъ камнями попроче.

— И не замѣтишь, какъ съ ноги оборвется,—не разъ говаривалъ молодой Государь,—а жалъ, почто камень дорогой зря истратился. Пустьъ ставятъ на сапоги, на башмаки камни попроче.

Въ уголку, ближе къ образницѣ, помѣстилась еще не старая инокиня съ двумя молоденькими послушницами. Они расшивали шелками въ тонъ икону Спасителя.

Молодая Царица, Марія Ильинишна, углубленная въ изготовленіе подарка Государю, молчала. Молча работали и дѣловицы, не смѣя произнести ни слова, пока Сама Царица не подала къ этому примѣра.

— Что-же, вы, дѣвушки, молчите?—вышла, наконецъ,

изъ раздумья Марія Ильинишна,—хотя-бы пѣсенкой меня потѣшили.

Молодыя дѣловицы оживились и совѣмъ уже были готовы запѣть одну изъ любимыхъ пѣсенокъ Царицы, какъ инокиня Варсонофія внушительно замѣтила.

— Али забыла, Матушка-Царица, какое мы дѣло вершимъ? Не пригоже веселье и смѣхъ творить, когда Царю-Батюшкѣ нарядъ обшиваемъ, а Онъ въ немъ въ храмъ Божій пойдетъ. Да и время то каково: постъ Великій!

На лицѣ молодой Царицы вспыхнуль легкій румянецъ; она была недовольна замѣчаніемъ инокини, но въ то же время сознавала его справедливость.

— Инъ будетъ такъ; спойте мнѣ, дѣвушки, тогда стихъ духовный, для души отрадный, какъ спасался въ пустынѣ молодой Юсафъ царевичъ.

— Разумъ-то у тебя великъ, Матушка-Царица,—льстиво поддакнула Варсонофія.

Тягучее пѣніе стариннаго стиха раздалось въ Царицѣныхъ хоромѣхъ.

Оно заставило молодую Царицу задуматься еще болѣе, молодое сердце ея рвалось къ веселью, къ бойкимъ дѣвичьимъ пѣснямъ, а суровое монастырское правило, врывавшееся даже въ домашнюю жизнь Царей, властно накладывало запрещеніе на веселье въ неуказанное время.

Марья Ильинишна досадливо махнула рукою, чтобы дѣвушки перестали, и подозвала къ себѣ дѣловицу, обшивавшую „Царское платье“ струнизаломъ и гбанняу.

— Ты бы, Марфуша,—обратилась она къ ней,—не все бы однѣ звѣздочки нашивала: пусти по травкѣ и „пластики и перепелы“, а цѣпочками посвяжешь ихъ.

Дѣвушка поклонилась Царицѣ.

— Слушаю, Матушка-Царица; а струнцалъ какой наметывать прикажешь—красный или бѣлый (золотой или серебряный)?

— Да, кажись, красный покрасовитѣ!..

Дѣвушка, взявъ съ поклономъ изъ рукъ Царицы работу, сѣла на свое мѣсто.

— Сказываютъ, что жена окольникяго Василія Волынскаго ужъ больно гораздна золотомъ да серебромъ шить,—замѣтила изъ своего угла монахиня.

— Что-же, мать, раньше мнѣ объ этомъ не сказала?—съ легкимъ упрекомъ проговорила Марія Ильинишна.

— Я бы ее на наше важное дѣло позвала.

— Да и тетенька твоя, Матушка-Царица, ужъ больно въ „пляичномъ дѣлѣ“ толкова,—ободренные разговоромъ Царицы заболтали и дѣвушки.

— Какая ты бѣлолицая, Фрося,—обратилась Марья Ильинишна къ сидящей ближе къ ней молодой, видной дѣвушкѣ, пышущей здоровьемъ?

Дѣвушка смутилась.

Ея сосѣдка, черноволосая, смуглая Фима бойко отвѣтила за нее.

— Матушка-Царица, она водою съ дубоваго листа каждое утро умывается: это-то и доставляетъ ей свѣтлость.

— Совсе неправда,—откликнулась другая дѣловица,—для этого нужно взять травку такую—зарюю прозывается,—на водѣ настоять да и умываться ею; всякую нечистоту да и угри черныи съ лица сгоняеть.

— Бедренецъ лучше,—не утерпѣла, чтобы на замѣтить одна изъ послушницъ,—отъ него лицо дѣлается чисто и молодо.

— Молчи, Глапутка, не твоего ума это дѣло,—заворчала Варсонофія.

И, обратившись къ Царицѣ, она льстиво пропѣла.

— Коли, Матушка-Царица, знать желаешь, то травы иссоповы, на винѣ настоенныя, наводятъ на ликъ благолѣпіе.

— Чѣмъ спорить-то, мы сейчасъ все это лучше разсудимъ. Принеси-ка, Оленька,—обратилась она къ одной изъ свѣжннхъ дѣвушекъ,—изъ моей опочивальни книгу,—Вертоградъ Прохладный“ зовется она; тамъ на полочкѣ, рядышкомъ съ Четив-Минеею положена.

Книга была быстро принесена.

Бѣлыми, пухлыми пальцами начала перелистывать листы

молодая Царица, дѣвушки съ нетерпѣніемъ поглядывали на нее.

— Нашла,—обрадованно сказала Марья Ильинишна,— вотъ что написано: „Платомъ чистымъ собирать росу съ цвѣту колосовъ пшеничныхъ зеленыхъ и съ цвѣтовъ всякихъ, и платъ выжимай, и тою рососою умывать лицо,—чисто будетъ“.

— Царь, Царь идетъ сюда!—торопливо вбѣжала въ горницу сѣнная дѣвушка.

— Прячьте скорѣе, дѣвушки, вашу работу; до поры до времени Царю вѣдать не должно, что я готовлю ему подарочекъ,—тревожно замѣтила Царица.

Все засуетилось; приготовленный парядъ былъ спрятанъ: дѣловицы принялись за другую работу.

Молодой Государь вошелъ въ покой.

— Здравствуй, Марья,—весело проговорилъ Алексѣй Михайловичъ и, подойдя къ женѣ, трижды поцѣловалъ ее.

— Здравствуй, Государь,—отвѣтила ему Марья Ильинишна и поклонилась мужу въ поясъ.

— Лѣннись, какъ вижу я, ты не любишь,—все за работой; инъ больно хорошо: отъ трудолюбія жизнь удлиняется. И ты тутъ, мать Варсонофія,—обратился Государь къ инокинь.—Какъ важно икону то Спаса вы шьете! Да, впрямь, мнѣ такъ и нѣмецъ патретное письмо съ меня не писалъ. Глаза то у Творца Создателя, какъ живые, точно говорятъ,—пониживъ тонъ, продолжалъ Государь,—видно за мастерство ваше вкладъ въ обитель сдѣлать нужно.

— Утрудись, Государь великій, Господь воздастъ тебѣ сторицею,—сладко проговорила монахиня и перегнулась въ поклонъ чуть не до полу.

— Ладно, попомню,—весело сказалъ Царь и прошелъ къ Себѣ въ опочивальню.

II.

Строго держалъ Алексѣй Михайловичъ посты, рѣдкій монахъ превзошелъ бы его въ постничествѣ. Последніе дни Страстной недѣли Онъ почти ничего не ѣлъ, но на всѣхъ службахъ бывалъ вмѣстѣ съ Царицей.

Тайно Государь обошелъ заутро рано со стрѣльцами и подъячими тайнаго приказа тюрьмы и богадѣльни, роздалъ изъ собственныхъ рукъ милостыни тюремнымъ сидѣльцамъ, полоняникамъ, богадѣленкамъ, нищимъ и убогимъ, чтобы каждому было чѣмъ разговѣться, чтобы каждый былъ съ праздникомъ.

Адыкъ Тараканъ записалъ въ расходную книгу: „за четыре часа до свѣта Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, изволилъ ходить на большой тюремный дворъ и жаловалъ своимъ Государевымъ жалованіемъ... На аглицкомъ дворѣ: полковнику 40 руб., майору, ротмистру, капитанамъ тремъ, всего шести человекъ, по 2 руб.“

Отдохнувъ Царь, переодѣлся въ бѣлую шелковую рубаху „съ кованымъ золоченымъ кружевомъ и золотною нашивкою“ и пошелъ въ навечери въ Успенскій соборъ къ „дѣйству многолѣтія“.

Соборный архидіаконъ „кликалъ“ многолѣтіе Государю и всему Царскому семейству, а затѣмъ патріархъ „многолѣтствовалъ“.

— Позаморился я сегодня что-то,—говорилъ Алексѣй Михайловичъ ближнему боярину, возвращаясь въ Царскіе хоромы.

— Подкрѣпился бы ты ѣдою, Царь-Батюшка, изнемогъ въ постѣ.

— Не можно, Василій,—строго замѣтилъ Государь,— пока радость о воскресеніи Христовомъ людямъ не возвѣстится, не должно вкушать пищи.

— Такъ отдохни, пожеля совѣмъ смеркнется, Государь-Батюшка.

— Постой, Василій, куда-то я сходить еще обѣщался,— задумался Алексѣй Михайловичъ. Вѣдь вспомнилъ,—продолжалъ онъ,—къ Зиновею разслабленному, что лежитъ у рождественнаго попа Никиты.

— И ввечеру къ нему послѣнешь, Государь!

— Эхъ, соблазнилъ ты меня, Василій. По немощи чело-вѣческой оставимъ ужъ до вечера.

Усталый Государь легъ отдохнуть до сумерокъ.

* * *

— Алеша,—разбудила Государя ласковая рука жены,— встань, Батюшка, ужъ небо потемнѣло.

Алексѣй Михайловичъ быстро поднялся.

— Помилуй, Господи, меня грѣшнаго!.. торжественно проговорилъ онъ. Вели-ка звать, жена, соборныхъ протопоповъ. Они всѣ ждутъ тебя, Царь-Батюшка, въ столовой избѣ.

— Ой-ли! Ну, знатно же я поспалъ! А ночь что ясная... тихая такая, Господи, Господи!.. Привелъ Ты меня, недостойнаго Свѣтлое Христово Воскресеніе встрѣтить.

А въ царицыной комнатѣ въ „Верху“ продолжалась усиленная работа, спѣшили окончить Царскій парядъ. Времени оставалось уже немного, скоро надо было собираться въ соборъ въ утрени. Марья Ильинишна торопила дѣловицъ.

Въ столовой избѣ, гдѣ Государь ожидалъ прихода патріарха съ духовенствомъ, все обряжалось коврами и сукнами. Въ переднемъ углу поставили кресло для Государя, а рядомъ для патріарха.

На другой день, вернувшись отъ обѣдни, Царь и Царица остались одни.

— Дозволь, Батюшка-Государь,—съ низкимъ поклономъ обратилась къ мужу Марія Ильинишна,—подарочекъ мой праздничный Тебѣ поднести.

— А, ну, Марья,—весело отозвался Царь,—посмотримъ, что за подарочекъ ты припасла.

Онъ давно уже догадывался о приготовленіяхъ Царицы. Постоянно впуская, точно стадо воробьевъ, Царицыныхъ дѣловицъ, являясь къ ней въ покой, онъ тихо посмѣивался, замѣчая ихъ испуганныя лица.

Царица сдѣлала знакъ рукою, и въ Золотую Палату вошло нѣсколько дѣловицъ, неся осторожно на рукахъ недавно оконченный шитьемъ Царскій парядъ.

— Вотъ тебѣ, Батюшка-Царь, супругъ дорогой, платно,—объяснила Марья Ильинишна, когда дѣловицы поочередно съ низкими поклонами подносили Алексѣю Михайловичу части Царскаго паряда.

— Вотъ становой кафтанъ, ожерелья...

Царь съ удовольствіемъ разсматривалъ царицынъ подарокъ.

— Ай да жена!—сказалъ онъ, останавливая свой взоръ на роскошно вынизанномъ жемчужомъ ожерельѣ.—Кто это бурмицкимъ зерномъ-то низалъ?

— Сама я, Батюшка-Царь!

— Мастерца же ты, Марьюшка, какъ окать-то другъ къ другу подобрала. Спасибо тебѣ!

Лицо Царицы зардѣлось.

— Вотъ башмачки Тебѣ, Государь... Посопеку ироговый, у персидскихъ кушцовъ выискать приказала.

* * *

Въ Золотой Палатѣ уже готовились праздничные столы „на патріарха, властей и бояръ“.

— Сперва нужно обѣщаніе свое исполнить—Царицу Марью отблагодарить—обратился Алексѣй Михайловичъ къ ближнему боярину.

И Онъ велѣлъ принести ларцы съ драгоценными вещами.

Царь вошелъ въ покой Царицы. За нимъ несли выбранные имъ подарки.

Марья Ильинишна уже ожидала мужа.

— Прими тебѣ мой отдаръ,—обратился къ женѣ Алексѣй Михайловичъ.

Онъ отворилъ самъ ларецъ и вынулъ оттуда серьги-лапки съ денежными подвѣсками, усаженными изумрудами чистой воды.

— А вотъ тебѣ перстенецъ жена, его моему покойному родителю нѣкій индійскій царь въ поклонъ прислалъ. Смотри, Марьюшка, сколь работа-то диковинна.

И Царь указалъ на особенности перстня.

— Гнѣздо въ когтяхъ, яхонтъ-синь въ немъ, а кверху островато, концы огиби камнемъ малымъ скрѣплены: до-вольство и счастье камень сей приносить.

Царица съ восхищеніемъ глядѣла на подарокъ.

— А вотъ тебѣ, жена, еще ларецъ невеликъ, кровля серебряная золочена, и на кровлѣ дерется левъ со змѣемъ.

Съ этими словами онъ передалъ ларицъ чудной работы ларчикъ.

— Съ излишкомъ отдарилъ ты меня, Царь-Батюшка, не стоитъ мой даръ этого.

— Ты, Марья, открой ларецъ-то да посмотри, что въ немъ.

Марья Ильинишна откинула крышку ларца: въ немъ лежали „чулки вязаные, шелкъ лазорь съ серебромъ, нѣмецкое дѣло; двои чулки вязаные, шелкъ алъ да желтъ, нѣмецкое дѣло“.

Такой подарокъ еще больше привелъ въ восхищеніе Царицу. Въ тѣ времена въ Россіи чулокъ не было вязаныхъ, они кроились изъ тафты, камки, атласа и даже изъ сукна.

— Спасибо, Государь, ужъ больно утѣшилъ Ты этимъ подаркомъ меня,—прошептала Марья Ильинишна, не отводя глазъ отъ ларца.

— Пора и обѣдать,—довольно сказалъ Царь.

И вмѣстѣ съ Царицей отправился къ ожидавшимъ его почетнымъ гостямъ.

Г. Полиловъ.

Праздникъ прощенія.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ большомъ селѣ Ильинскомъ шла свѣтлая пасхальная заутреня. Церковь сияла огнями отъ безчисленныхъ свѣчъ, горѣвшихъ въ рукахъ богомольцевъ и во множествѣ поставленныхъ предъ всѣми иконами. И отъ этихъ огней ярче сияли позолоченные и вычищенные къ празднику олады и вѣнчики иконъ, украшенныхъ лентами и бумажными цвѣтами. Радостныя торжественныя пасхальныя пѣнопѣнія звучатъ съ клироса. И радостны, свѣтлы лица молящихся въ этотъ „праздникъ праздниковъ и торжество торжествъ“.

Только мраченъ и задумчивъ стоитъ у праваго клироса Данила Васильевъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и зажиточныхъ крестьянъ Ильинскаго. Рядомъ съ нимъ стоитъ его дочь, первая красавица на селѣ. И у нея на лицѣ тоже видна какая то печаль.

Тяжелъ былъ этотъ годъ для Данилы: пришлось ему постомъ схоронить старшаго сына. Но не отъ того только печаленъ и нерадостенъ онъ.

Тяжело у него на душѣ потому, что не можетъ онъ переломить себя и примириться со своимъ сосѣдомъ и бывшимъ другомъ, старостой Никитой Ивановичемъ.

Третій годъ враждуютъ они между собою. Дѣло было такъ. Работникъ Никиты не замѣтилъ между, раздѣлявшую покосъ Никиты отъ покоса Данилы, и закосилъ чуть ли не на сажень полосу на надѣлѣ Данилы. Скошенное сѣно сгрѣбъ и перевезъ съ поля хозяину. Никита ничего объ этомъ не зналъ, такъ какъ косилъ самъ на другомъ берегу, гдѣ у него тоже былъ покосъ.

На другой день собрался косить свой надѣлъ Данила. Приѣхавъ на поле съ своимъ сыномъ и увидѣвъ свою захваченную, выкошенную сосѣдомъ полосу, Данило пришелъ въ такой гнѣвъ, что тотчасъ же рѣшилъ избить Никиту. Оставивъ сына косить, погналъ онъ лошадь обратно въ село. Никита въ это время сушилъ и ворошилъ сѣно на лужайкѣ предъ своей избой.

Съ бранью и упреками набросился Данила на сосѣда и чуть было не зарубилъ его косой, которую сгоряча за-хватилъ съ собой съ поля. Неподумавшій Никита оборо-

нясь и отступая, ударилъ его граблями. Сбѣжавшіеся на брань и крики крестьяне едва растащили ихъ одинъ отъ другого.

Съ этого дня и началась вражда. Никита, узнавъ въ чемъ дѣло и сознавая свою невольную вину, предлагалъ сосѣду взять сѣна, сколько тотъ пожелаетъ. Данила ничего не хотѣлъ слышать.

— Воръ, грабитель, дѣла съ тобой и разговора имѣть не желаю!—кричалъ Данила на всѣ предложенія и попытки Никиты къ примиренію.

До этого дня жили они душа въ душу. Оба они были люди зажиточные, избы ихъ стояли рядомъ, бабы жили въ мирѣ и согласіи, ребятишки по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ бѣгали и ловили рыбу на рѣкѣ, а между сыномъ Никиты, Андреемъ, и дочерью Данилы, красавицей Аннушкой, давно уже было положено сыграть свадьбу. Догадывались объ этомъ родители и не противились, но пока не было еще окончательнаго разговора.

Теперь все измѣнилось. Данила строго наказалъ своей семьѣ не водиться больше съ сосѣдами.

Съ этого дня Аннушка и Андрей, боясь гнѣва родителей, стали только тайкомъ видѣться другъ съ другомъ. Оба они рѣшили ждать лучшихъ дней. Однако, вражда не стихала. Постоянно оскорбляемый Данилой Никита иногда выходилъ изъ себя и тоже не оставался въ долгу.

Случилось, что въ этотъ же годъ померъ сельскій староста, и на его мѣсто міромъ избрали Никиту. Мрачнѣ тучи вернулся со сходки Данила, давно и сильно желавшій быть старостой. Съ этого дня онъ еще болѣе озлобился на своего соперника. Желая чѣмъ либо досадить Никитѣ, Данила рѣшилъ выдать дочь свою Аннушку за посватавшагося къ ней парня изъ сосѣдняго села. Напрасно Аннушка со слезами умоляла отца не выдавать ее. Данила хоть и любилъ дочь, но рѣшилъ поставить на своемъ. Однако, и Аннушка характеромъ вышла въ отца. Видя, что ни слезы, ни просьбы не помогаютъ, она на стоворѣ такъ оскорбила и высмѣяла жениха при его родныхъ и сватахъ, что онъ со стыдомъ удалился. Чуть не проклялъ дочь Данила, но вовремя сдержался.

— Ну, дочка, коли не бываетъ по моему, въ гнѣвѣ, стуча кулакомъ по столу, крикнулъ Данило,—такъ не будетъ и по твоему! Запомни это.

О разстроившейся свадьбѣ Данила не жалѣлъ, женихъ и ему самому не былъ по душѣ, но жалѣлъ, что не удалось досадить Никитѣ и сыну его, Андрею.

Такъ прошелъ годъ, прошелъ и второй. Горевала и не разъ горько плакала Аннушка: о свадьбѣ съ Андреемъ нечего было и думать; знала она, что отца не переспоришь, и только усердно молила Бога, чтобы смягчилъ Онъ его сердце.

А Данила съ Никитой, встрѣчаясь другъ съ другомъ, не только не кланялись, но Данила или переходилъ на другую сторону, или даже поворачивалъ обратно.

Тяжело было это Никитѣ, не разъ черезъ другихъ старался онъ примириться съ сосѣдомъ, но тотъ и слышать не хотѣлъ.

Вспоминаетъ все это сегодня въ церкви Данила, и все тяжелѣе становится у него на душѣ.

Что-то новое, странное творится съ Данилой, сегодня Данило въ первый разъ сознаетъ, наконецъ, что самъ онъ больше виноватъ предъ Никитой.

„Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обьяемъ, рцѣмъ: братіе! и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ“... поютъ пѣвчіе, и слова пѣнопѣнія осуждаютъ и будятъ совѣсть Данилы. Вспоминаетъ онъ, какъ не разъ Никита хотѣлъ съ нимъ примириться, вспоминаетъ какъ въ прошломъ году здѣсь въ храмѣ Никита подошелъ къ нему со словами: „Христосъ Воскресе“, а онъ не только не отвѣтилъ:—„Воистину воскресе“, но отвернулся и еще больше озлобился на него.

Вотъ окончилась свѣтлая заутреня; началось христосованіе. Радостно христосуются крестьяне съ батюшкой и